

Наевшись досыта, Чоу Муи поспешил обратно на гору. На душе было беспокойно: если наставник узнает, что он провёл ночь вне дома, взбучки не избежать.

Добравшись до обители, Муи осторожно толкнул дверь. С виду он казался невозмутимым, но едва заметная дрожь в коленях выдавала его с головой — сейчас он не смог бы даже развернуться, чтобы сбежать.

— Учитель, — проговорил он, едва слышно.

Муи нахмурился. Дело плохо. Цуй Инлун вернулся раньше, чем ожидалось. Как и полагается по закону подлости: о чём больше всего переживаешь, то и случается.

Голос Цуй Инлуна, обычно мягкий и благодушный, теперь веял холодом, словно дыхание ледяных пустошей.

— Послушный ученик... Не знал я, что ты уже настолько возмужал, что позволяешь себе пропадать на целую ночь. Не считаешь ли ты, что мне положены подробные объяснения? Вчера, вернувшись на гору, я приготовил ужин и ждал тебя до самого рассвета. Ты хоть представляешь, как я извёлся от беспокойства?

Чоу Муи понимал, что наставник и впрямь места себе не находил, а потому покорно склонил голову. Он не дерзил и не пытался оправдываться — редкое для него смирение. Цуй Инлун, за долгие годы изучивший каждое движение и каждый взгляд мальчика, видел: тот искренне раскаивается.

Однако признание вины не освобождало от ответа. Наставник вскинул бровь, требуя рассказа. Муи, облегчённо выдохнув, поведал обо всём, что случилось вчера. Он опустил лишь подробности о поцелуе — интуиция подсказывала, что если он об этом заикнётся, жизнь его на горе станет куда менее сносной. Срабатывал инстинкт самосохранения. Сухо и по делу он описал похищение, причины, по которым Лю Цинье оказался в беде, и то, как они в итоге стали друзьями.

Цуй Инлун выслушал его, нахмурившись ещё сильнее.

— Твоё желание помочь другу похвально, — начал он наставительно. — Но ты хоть на миг задумался о последствиях? А если бы тебе попались не эти трое остолопов, а настоящие мастера своего дела? Думаешь, твоя горсть трав спасла бы положение? Тебя бы обнаружили в ту же секунду, как ты пошёл следом. Ты ещё ребёнок, Муи. Кого ты надеялся одолеть в открытом бою? Тебе следовало бежать к властям, убедить их поверить тебе и привести помощь. Ты поступил безрассудно. В этот раз тебе просто повезло, но удача — капризная дама. Если ты когда-нибудь решишь ступить на путь государственной службы, подобная импульсивность погубит тебя раньше, чем ты успеешь оглянуться.

Муи внимал упрёкам, и с каждым словом осознавал правоту учителя. Он и впрямь забыл о

своём возрасте и недооценил врага. Будь похитители хоть чуточку бдительнее, в ту яму отправился бы не только Лю Цинъе, но и он сам.

Через некоторое время мальчик поднял взгляд. Детская припухлость в чертах лица словно исчезла, уступив место новой, взрослой сосредоточенности. За два года, проведённых под крылом наставника, он расслабился и почти забыл, что мир не вращается вокруг него. Обольщаться на счёт древних — опасная затея, ведь третьей жизни у него не будет.

— Учитель, я признаю свою ошибку. Впредь я не допущу подобной легкомысленности. Обещаю, что буду действовать осмотрительно и больше не заставлю вас так терзать себя.

Цуй Инлун смягчился. Искреннее раскаяние ученика было лучшим лекарством от гнева.

— Хорошо. Десять дополнительных страниц каллиграфии ежедневно. Это поможет не только укрепить руку, но и усмирить твой нрав. А теперь иди, омойся. Ты не смыкал глаз всю ночь, после занятий ляжешь спать.

Муи кивнул и отправился греть воду.

Время потекло своим чередом. Минуло три месяца. После того как семейные неурядицы Лю Цинъе улеглись, он стал оставлять весточки в той самой лавке, торгующей тушёным мясом, куда Муи заглядывал всякий раз, спускаясь с гор. Сам Лю подняться не мог — он просто не знал, где именно в лесной глуши скрывается обитель.

Помня о былых опасностях, Цуй Инлун теперь всегда сопровождал ученика. Он знал о переписке и даже радовался, что у мальчика появился сверстник, с которым можно поговорить. Наставнику не хотелось, чтобы Муи рос затворником, поэтому он всячески поощрял эту дружбу.

«Как же он будет горько раскаиваться в этом спустя годы... — пронеслось бы в мыслях любого, кто знал будущее. — Как он мог не разглядеть в этом юноше хитроумного лиса? Сам же подталкивал ученика к этой "лисице", не подозревая, что того попросту заманят в сети».

Встречи с Лю Цинъе всегда приносили Муи радость. Лю был начитан, но не зануден. Он интересовался не только канонами мудрецов, но и географией, стратегией, живыми рассказами о дальних землях. Это идеально подходило Муи. Лю Цинъе твёрдо решил сдавать императорские экзамены и пробиваться в чиновники. Глядя на успехи друга в учёбе, он лишь сокрушённо качал головой.

— Знания у тебя глубокие, — говорил он, вздыхая. — Но сдать экзамены тебе будет ох как непросто. Ты ведь не зазубриваешь комментарии, а пытаешься дойти до всего своим умом. А на императорских экзаменах требуют лишь стандартных толкований. Какими бы блестящими ни были наши собственные идеи, сначала нужно получить чин. Если ты и впрямь метишь в чиновники, тебе стоит поступить в настоящую академию. Твой наставник — великий человек,

но он не школьный учитель.

Чоу Муи ценил заботу друга, но у него были иные планы. После того как они сблизились, Муи стал чуть разговорчивее, хотя лицо его по-прежнему редко выражало эмоции.

— Мне всё равно. Я не собираюсь участвовать в экзаменах.

Лю Цинье так и застыл с открытым ртом.

Два месяца назад, пока наставник беседовал с хозяином лавки, Муи услышал их разговор. Лавочник, хоть и был купцом, оказался истинным патриотом. Он с восторгом рассказывал о подвигах семьи Ян из поместья Тяньбо. О том, как кидани затаились, почуяв неладное на границе, и как доблестный маршал Ян Е удерживает рубежи. Купец часто возил пушнину и не раз попадал под набеги мелких отрядов ляосцев, но верил: пока Почтенный господин Ян на посту, враг не посмеет двинуться вглубь страны.

Рассказы лавочника жгли Муи сердце. С одной стороны, он восхищался героизмом семьи Ян, с другой — в нём бушевала обида брошенного ребёнка. В тот день он вернулся на гору в полном смятении.

Цуй Инлун прекрасно понимал, что творится в душе ученика. Он знал: любые попытки оправдать Яна Е и госпожу Ян лишь сильнее разозлят мальчика. Поэтому наставник сменил тактику, ударив по самому больному.

— Как бы там ни было, это твои родители. Они дали тебе жизнь, вскормили тебя. Без них тебя бы не существовало. И пока ты не вернёшь им долг за своё рождение, у тебя нет права говорить о разрыве уз. Ты понимаешь это?

Цуй Инлун надеялся пробудить в Муи чувство долга, которое приведёт его к примирению. Он даже мечтал о том, что, когда Муи вернётся в семью, он сам будет навещать его в столице, чтобы продолжать обучение. Но наставник недооценил силу разочарования. Муи истолковал его слова по-своему: «Я верну долг, и тогда между нами не останется ничего. Никакой вины, никакой связи».

— В будущем я уйду в армию, — ровным голосом произнёс Муи.

Лю Цинье вскинул брови.

— Я так и думал. Ты к оружию тянешься куда охотнее, чем к книгам. Наставник Цуй говорил, что твой дар к боевым искусствам многократно превосходит способности к наукам. Ты рождён для этого пути. Но ты уверен? Тебе придётся начинать с самых низов, с простого солдата. Это тяжёлая доля.

— Я готов. К тому же, время ещё есть. Учитель говорит, мне нужно ждать как минимум десять лет.

Лю Цинье кивнул.

— Твой наставник прав. Есть возрастные пределы. Даже я планирую после экзамена на «туншэна» не спешить. Подожду до шестнадцати, окрепну. Говорят, в экзаменационных кельях условия жуткие — три дня взаперти. Семья хочет, чтобы я подготовился как следует.

Лицо Муи осталось непроницаемым.

— Хорошо, когда есть семья, которая так о тебе заботится.

Лю Цинье подозрительно прищурился.

— К чему это ты?

Муи посмотрел на небо, словно пытаясь разглядеть что-то за облаками.

— Береги их. Они искренне желают тебе добра. Не обмани их надежд.

Лю Цинье усмехнулся.

— За меня не переживай. Мои слова всегда становятся делом. Знаешь, мне кажется, тебя ждёт великое будущее. Пусть ты сейчас говоришь лишь о службе, я уверен — ты станешь генералом. Опорой страны. Я часто слышу, как при дворе канцлеры и сторонники мира связывают воинам руки, мешая даже семье Ян. Так вот, я клянусь: я пробьюсь на самый верх и стану твоим щитом в столице. Я не позволю придворным интриганам ставить тебе подножки. Я прикрою твой тыл.

Муи невольно увлёкся этой картиной будущего.

— Договорились. Отныне я вверяю тебе свою спину.

Лю Цинье протянул руку.

— По рукам. Мы добьёмся своего.

Муи крепко сжал его ладонь.

— По рукам.

Цуй Инлун, наблюдавший за ними издали, лишь довольно улыбнулся. В эпоху, когда учёные презирали военных, подобный союз был бесценен. Семья Ян, несмотря на все заслуги, вечно терпела нападки от Пань Жэньмэя, и только заступничество Восьмого добродетельного принца спасало их. Если бы у Муи был верный друг среди высших чинов, всё могло бы сложиться иначе. Конечно, пока это были лишь детские мечты, но будущее рождалось именно здесь.

<http://bllate.org/book/17388/1694408>